

А.М. Страхов
(БелГУ, Белгород)

В.В. Розанов о Н.Н. Страхове

В. В. Розанов (1856 – 1919) и Н. Н. Страхов (1828 – 1896) знаковые, однако в недалеком прошлом незаслуженно игнорируемые фигуры в отечественной философской мысли. Они были лично знакомы, их довольно многое объединяло. Оба они – люди православные и глубоко верующие (хотя у Розанова, как, впрочем, у целого ряда других религиозно-идеалистических русских мыслителей, было весьма сложное отношение к практике и идеологии официальной церкви), оба явно склонялись к славянофильству. Если Розанов даже свою чиновническую, продолжавшуюся несколько лет, карьеру начинал в окружении славянофилов, с которыми, кстати, свел Страхова (символично, что похоронили Розанова рядом с могилой К. Н. Леонтьева), то Страхов, являясь вместе с братьями Достоевскими представителем так называемого "«почвенничества", развивал неославянофильскую традицию. Соответственно, оба этих русских философа подвергали критике западную действительность и опровергали материализм.

Публицист и полемист Розанов в своих многочисленных статьях и других трудах неоднократно обращался к личностям и воззрениям своих известных современников, при-

чем, что было присуще русской публицистике того времени, был довольно резок, чтобы не сказать более, в своих оценках той или иной персоналии. Разумеется, особой резкостью и непримиримостью отличалась розановская критика представителей революционно-демократического лагеря. «Пришел вонючий «разночинец», Пришел со своею ненавистью, пришел со своею завистью, пришел со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имели, однако, свою силу, и это окружило его ореолом "мрачного демона отрицания"; но под демоном скрывался просто лакей. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина», – пишет Розанов (5,с.354-355). Западников В. Г. Белинского и В. П. Боткина Розанов обвинял в глухом непонимании собственной земли, вскормившего их материнского чрева, доставалось от него и И. С. Тургеневу, «пухлому господину», сделавшему столько же зла, сколько и тощий Чернышевский. Крайне отрицательно Розанов относился к Н. В. Гоголю и М. Е. Салтыкову-Щедрину, которым не мог простить их насмешки над Россией.

Совсем иное отношение у Розанова, убежденного, что любовь к почве, к родной земле, коренится в «живых, милых, прекрасных, необходимо нужных инстинктах человека» (2,с.108), к Страхову, о котором он достаточно часто упоминает на страницах своих произведений.

Розанов высоко ценит Страхова как коллегу по журналистскому цеху, как «тонкого, настойчивого и успешного» критика, но вместе с тем (что, по его мнению, характерно для всего славянофильского лагеря и является причиной недостаточного влияния последнего на российское общество) отмечает страховскую слащавость, приторность: «Все славянофильство, от корня его до самой вершины, слащаво и несколько приторно: не ощущали ли вы этого непосредственного впечатления от каждой решительно славянофильской книги или статьи? Хомяков, оба Аксакова, Киреевский, Данилевский, Страхов – ничего кислого, горького, терпкого» (4,с.403).

Рассуждая о В. С. Соловьеве, Розанов оправдывает и объясняет причину расхождения Соловьева с Данилевским и Страховым – с ними нужно было разойтись, «ибо их «святая простота», как и вообще наших славянофилов, прикрывала и стояла щитом около позорнейшей русской действительности, уже именно злой и именно фальшивой. Они были похожи на добрых старушек-домовладелиц, у которых «заняло помещение» полицейское управление, притом самых недвусмысленных нравов» (1,с.476). Уже из изложенного видно, что при всем уважении к личности и идеям Страхова Розанов в своих оценках не однозначен. И эта неоднозначность, думается, все же связана здесь не с известной розановской непоследовательностью, а прежде всего с положительным стремлением взвешенного и всестороннего анализа. Что касается появившихся в поздних розановских работах критических в адрес славянофилов ноток, то они вытекали из развития розановского мировоззрения и осмысления им особенностей последующего развития России.

В первую очередь Страхов симпатичен Розанову своей последовательной религиозностью: «Вполне можно назвать религиозную всю жизнь Страхова» (1,с.358), «...Религиозное составляет ни разу не названный центр постоянного тяготения его мысли» (1, с.214). Вполне солидарен Розанов и со страховским отношением к А. С. Пушкину. Именно Пушкин, а не гениальный, но извращенный Гоголь, сделался центром симпатий толкований Страхова, Григорьева, Достоевского. «Ясность и спокойствие этого поэта, равно как широта его симпатий, более соответствовала положительному характеру идеалов этой ветви славянофильства», – пишет Розанов (1,с.232).

Импонирует Розанову присущий Страхову и другим славянофилам органический взгляд на историю, ведь каждое дерево растет из своего семени. Как и Страхов, Розанов настороженно относится к необдуманному заимствованию из европейской культуры, хотя, упрекая славянофилов в излишнем теоретизме, в отрыве от практики, Розанов видит в славянофильском отношении к Европе «слабый пункт»: «России приходилось заимствовать у Европы многое и в таких сферах, где они ждали и хотели самобытности» (4,с.377-378). Здесь Розанов имеет в виду армейскую реформу, финансово-кредитную сферу, но не

только. Следует заметить, что Розанов при всем его несомненном и искреннем патриотизме отличался склонностью занижать целый ряд способностей и возможностей русских людей, например, он отказывает им в ответственности, тщательности, аккуратности, недостаток которых гонит их «от лоцманства, из аптеки и от часовщика». Но вспомним хотя бы И. П. Кулибина и других умельцев!

Розанов отмечает, что граница между материальным и духовным – тот узел, где они связываются и теряются, человек, это главный предмет внимания Страхова: «Человек – вот узел мироздания, его величайшая загадка и, если бы ее удалось объяснить, – совершенная разгадка этого мироздания, – говорит он не раз в своих трудах» (1,с.215).

Страхов, подчеркивает Розанов, не сделался ученым натуралистом, не создал ни одного большого систематического труда: «заметка», «очерк» или, как дважды он озаглавил свои статьи, «попытка правильной постановки вопроса» – вот самая обыкновенная и действительно самая удобная форма для выражения его мыслей» (1,с.210). Причина, считает Розанов, кроется в том, что Страхов все с новых и с новых сторон старается разрешить тот или иной вопрос, допуская обилие и вместе с тем отрывочность мыслей, которые он не разрабатывает до конца, Страхов «повсюду не обосновывает теории, но только роняет семена, из которых могли бы вырасти прекрасные теории, только вкладывает различные вопросы или ограничения в разработку науки другими или резко порицает их, когда они уклоняются от своих задач» (1,с.216). Розанов здесь не упрекает, а констатирует, отдавая должное «необыкновенной оригинальности» страховских мыслей.

Розанов комментирует строки из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» («Нет величия там, где нет простоты, добра и правды»), взятые Страховым как эпиграф к его разбору этого толстовского произведения, и видит в них указание на иной и высший тип всемирной истории, который в качестве нравственного идеала бессознательно хранится в недрах нашего народа. Это тип, указанный славянофилами. Розанов считает (и сегодня в справедливости розановского мнения можно лишний раз убедиться), что спор западников и славянофилов не окончен, и это одна из ряда других причин актуальности рассмотрения розановской оценке Страхова, о котором Розанов пишет: «он не столько разрешает наши вопросы, сколько научает нас серьезно искать их разрешения; не так наполняет ум, как готовится его к принятию истинно достойного содержания» (1, с.233). И сегодня российское общество и российская наука стоят перед необходимостью серьезного разрешения поставленных Страховым вопросов.

Литература

1. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского – М., 1996.
2. Розанов В.В. Религия и культура. – М., 1990.
3. Розанов В.В. Сочинения. – М., 1990.
4. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990.